

**Эмансипационные идеи в творчестве великих средневековых
мыслителей мусульманского Востока**

А.И. Керимова

Статья посвящена положению женщины в исламском обществе. Эта тема всегда была в центре внимания прогрессивных мыслителей мусульманского Востока. Автор анализирует их взгляды, имеющие непреходящее значение и для современности.

Ключевые слова: *положение женщины в исламском обществе, эмансипация, женское равноправие, восточная женщина.*

This article is devoted to the place of women in Islamic society. The subject has always been in the focus of attention for progressive thinkers and scientists of the Moslem East. The author analyses different views on the problem which has the everlasting importance in modern time.

Keywords: *position of woman in Islamic society, emancipation, female equality, eastern woman.*

Жизнь в мусульманском мире не ограничивалась рамками исключительно религиозной идеологии и морали. Наряду с идеями религиозными здесь существовали и другие, например, прогрессивные ученые выступали за то, чтобы в мусульманском обществе женщина имела равные с мужчиной права. Эти идеи отразились в устном народном творчестве и в воззрениях передовых мыслителей. Их анализ имеет важное значение для полной характеристики духовной жизни всего мусульманского мира в целом. Изучение богатейшего наследия прогрессивной мысли прошлого народов Востока важно и в наше время.

В истории общественного развития прогрессивная мысль всегда объективно была направлена против пороков данной конкретно-исторической социальной действительности. Она боролась против рабства, эксплуатации, насилия, в том числе против неравенства полов в обществе. Поскольку жизнь женщины была ограничена морально-правовыми нормами религии, ее униженное положение в семье не могло не вызывать сочувствия у передовых слоев общества всех времен и народов. Об этом свидетельствуют многочисленные творения устного народного творчества, мыслителей античного мира и позднейших эпох, в которых женщина Востока предстает как мать, труженица, воспитательница, творец. Иначе и не могло быть. Без борьбы за права женщины, без осуждения и критики существующего порядка был бы невозможен общий социальный прогресс, развитие духовной жизни. Так как религия оправдывала социальное неравенство в семье и обществе, носители наиболее прогрессивных и гуманистических идей в силу своего социального положения противопоставили ей свое понимание отношения к женщине. В устном народном творчестве мусульман появилось

много сатирических анекдотов – о Насреддине и других, в которых высмеивалось ханжество, лицемерие, деспотизм мужа и других членов семьи. Народная мудрость, выраженная в различных жанрах искусства, способствовала зарождению и формированию в сознании и психологии народа гуманного, высоконравственного отношения к женщине.

Большинство историков придерживаются мнения, что Средневековье было временем патриархата, другой вопрос – каковы его рамки и каково было воздействие религии на строй общества в целом и положение женщины в частности.

В Средние века мужчина был объявлен высшей формой человеческой жизни, а женщину иногда даже не признавали человеком.

В средневековых феодальных государствах Востока народ умел даже в период самого жестокого социально-экономического угнетения, нравственного унижения выразить свои гуманистические чувства глубоко и правдиво. Наиболее ярко выражены народные взгляды на женщину в пословицах, поговорках, лирических песнях, бытовых сатирических сказках и анекдотах. В них народ с присущей ему мудростью, выступая в качестве коллективного автора, подвергает осуждению и критике воззрения ислама на женщину. Произведения фольклора передавались от старших поколений к младшим, от одной народности к другой, что способствовало формированию прогрессивных взглядов на женщину и ее положение в семье и обществе.

Разумеется, было много поговорок о дурных женах, пословиц, песен и других произведений, которые формировались под воздействием религии, подчеркивали неуважение к женщине. В них она наделялась только отрицательными чертами, изображалась как воплощение зла и порока, как создание коварное и продажное и т. д.

Однако в целом народное творчество, отражая реальные отношения общественной жизни в художественных образах, изображало тяжелую, полную унижений и страданий жизнь женщины в семье. В нем слышался не только стон угнетенной мусульманки, но и голос народа, протестующий против ее угнетателей, против неравных морально-правовых принципов мусульманского образа жизни. Именно в устном творчестве, которое не подвластно было халифам, шахам, эмирам, султанам и их сатрапам, особенно ярко выражен протест против неравенства полов в семье. Во многих пословицах, например, отводится почетное место женщине как хранительнице домашнего очага, признается преимущество подлинной человеческой любви с ее земным содержанием, осуждается принцип мусульманской морали, унижающей женщину: «Муж и жена сотворены одним миром», «Муж – это рабочий, а жена – устроительница», «Красива та женщина, которую ты любишь», «Без матери и отца не было бы молодца», «Язык немного мать поймет», «Она родит, она и на ноги поставит», «У кого нет жены, у того нет близкого», «Если муж и жена живут в ладу, то нет нехватки в году» [1, с. 153–155].

Тяжелое положение женщины-мусульманки не могло не привлечь внимание прогрессивных людей Востока. Они выступали как против ношения паранджи, чачвана, чадры и других ритуальных покрывал, так и против многоженства, лишения женщины возможности принимать участие в общественной жизни.

В XII веке выдающийся мыслитель Ибн-Рушд (Аверроэс) из Кордовы решительно высказывался против женского рабства, требовал равных прав для женщин, предоставления им возможности участвовать в государственных делах и общественной жизни.

В том же XII веке в Азербайджане великий Низами создает обаятельные образы женщин-правительниц. Красавица Ширин, героиня поэмы «*Хосров и Ширин*», по своим моральным качествам намного выше царствующего Хосрова. Осуждая обычай многоженства и даже мысль, будто любовь можно делить между несколькими женами, Низами в поэме «*Искендер-намэ*» писал:

Лишь одною женой нас обрадует рок.
Муж при множестве жен не всегда ль одинок?

О том, что жизнь в семье, где много жен, – это свары и муки, красочно рассказано в миниатюрной персидской сказке «Троеженец». Там муж в конце концов «выскочил за дверь и убежал из дома». Сюжет этой сказки может быть кратко передан азербайджанской пословицей, записанной еще в прошлом веке в Ширване: «У двоеженца дом всегда не подметен» [1, с. 317].

«Для среднего сословия непрременной предпосылкой всех сообщений и рассказов является упоминание моногамии», – пишет известный швейцарский востоковед А. Мец и далее продолжает, – «Так, например, в макамах Аль-Хамадани один купец приглашает к себе гостя и по дороге к дому расхваливает свою жену: «Господин мой, если бы ты только видел ее, как она, повязав передник, управляет по дому, снует от печки к горшкам и от горшков к печи, ртом раздувает огонь, а руками толчет пряности! А если бы ты видел, как дым покрывает копотью ее прекрасное лицо, оставляя следы на ее гладких щеках, то взору твоему представилось бы зрелище, которое заставило бы тебя вытаращить от удивления глаза. Я люблю ее, потому что и она меня любит».

Передают, что фатимидский халиф Аль-Муизз советовал своим вельможам довольствоваться одной женой: «Одному мужчине достаточно одной женщины». Поэт Абу-л-Ала также считает за лучшее довольствоваться единственной женой, ибо «если компаньоны были бы чем-то добрым, то были бы они и у Аллаха» [2, с. 293].

В фольклоре народов Средней Азии, Азербайджана, Северного Кавказа и других много прекрасных образов женщин, героически сражавшихся с иноземными захватчиками и местными феодалами.

Так, в дагестанских преданиях подчеркивается особая роль женщины-горянки в борьбе с кровавыми полчищами персидского завоевателя Надир-Шаха. В 1741 году во главе 150-тысячной армии Надир-Шах предпринял поход на Дагестан. Над горным краем нависла грозная опасность иноземно-

го порабощения. Для отпора кровавому завоевателю объединились все народы Дагестана. Сражение между полчищами Надир-Шаха и дагестанцами произошло над Турчидагом недалеко от селения Согратль, Чох, Мегеб, Обох.

Надир-шах бросал в бой все новые и новые силы, а горцы могли противопоставить численному превосходству *каджаров* (персов) только свою стойкость и мужество. Весть о тяжелом положении горских воинов дошла до аулов. Женщины Чоха, Согратля, Мегеба, Турчи, Мукара, вооруженные чем попало, бросились на помощь мужьям, братьям и отцам, и сражение, казалось, уже завершённое, разгорелось с новой силой. К вечеру бой затих... Армия Надир-шаха потерпела поражение [1, с. 157].

В лакском эпическом сказании «*Парту Патима*» рассказывается о молодой горянке Патиме, которая возглавила борьбу народа против Тимура – одного из самых кровавых и жестоких завоевателей. В доспехах военных, в кольчуге и шлеме Парту Патима появилась перед всеми.

Она прилетела быстрее огня,
Плясать перед всеми заставив коня.
Над склонами реет орлиная стая,
За девушкой-воином скачет отряд.
Скакун под ней пляшет, гордится, считая,
Что вслед ему с завистью кони глядят.

Парту Патима вступает в единоборство с прославленным богатырем из войска Тимура – Тугаем и побеждает его.

Тугай замахнулся, но сабле Тугая
Ответила девушки сабля кривая,
Еще один взмах, и еще один взмах –
И пал перед ней обезглавленный враг [3. с. 55].

Много героических образов женщин в выдающемся памятнике мирового эпоса – азербайджанском эпосе «*Китаби деде Коркуд*» («Книга деда Коркуда»), в рассказах Шахразады из «*Тысячи и одной ночи*», в народных романах и сказаниях «*Шейх Сана*», «*Ашуг Тариб*», «*Шах Исмаил*», «*Асли и Керим*», «*Фархад и Ширин*», «*Манас*», «*Тахир и Зухра*», «*Кер-оглы*», «*Батит-Хасрниса*» и многих других.

«Тема любви, – пишет профессор Л.И. Климович, – одна из широко освещенных в литературе Востока, и именно в ней очень сильны вольнодумные мотивы. Уже в Раннем Средневековье возникает легенда о мусульманском духовном лице – шейхе Санане, из любви к христианке поступившемся требованиями своей веры» [4, с. 15]. Этой же теме посвящена и другая легенда – об армянке-христианке Асли и мусульманине Кереме. Подобные легенды появились не случайно. Конфликты на религиозной почве часто возникали в сложном полиэтническом и многоконфессиональном регионе Ближнего и Среднего Востока. Представители разных религий жили бок о бок, вместе трудились, общались. Вполне естественно, что возникала любовь и между женщинами и мужчинами разных вероисповеданий, и вмешательство служителей культа в таких случаях приводило к трагическим последствиям. Это отразилось в устном народном творчестве. Произведения

народного творчества на подобные темы занимают особое место в сокровищнице мировой литературы. Они способствовали формированию высокогуманных взглядов на семью. Эти произведения были широко распространены среди народов Востока, к ним часто обращались ашуги, сказители на свадьбах и праздниках. В этих замечательных творениях не только воспеваются идеалы семейной жизни трудового народа, демократичные взаимоотношения полов, взаимная склонность и преданность в любви, но также осуждаются семейные нравы и быт господствующих классов и т. д.

В турецком эпосе «*Китаби деде Коркуд*» наряду с героями-мужчинами живо и ярко изображены и женщины-героини: *Бану Чесек* (девушка-цветок), трапезундская красавица Сельжан и др. «Как показывают женские образы, – писал переводчик этого эпоса на русском языке академик В.В. Бартольд, – в народной «Книге о Коркуде», составленной, вероятно в XV веке в Восточной части Малой Азии, женщина в народном, или, по крайней мере, в богатырском быту занимала место рядом с мужчиной даже в военных делах» [1, с. 158–159].

А сколько пленительных женских образов в гениальных сказках «Тысячи и одной ночи», завоевавших большую популярность на Востоке и Западе, создателем которых является весь арабский народ! Они наполнены богатейшим социальным содержанием и начинаются именно с осуждения жестокости царя Шахрияра, который каждый вечер брал себе новую жену и, удовлетворив свою страсть, наутро убивал ее.

Такое начало сказок вряд ли можно считать случайным и рассчитанным на психологический эффект. Все содержание «Ночей» от начала до конца пронизано идеей борьбы добра и зла, высокого гуманизма и антигуманизма, добродетели и порока.

Деспотическому образу Шахрияра народ противопоставляет образ мудрой и находчивой Шахразады – дочери персидского визира, от лица которой рассказываются все новеллы «Тысячи и одной ночи». Умная и находчивая Шахразада одерживает победу над жестоким царем Шахрияром, который в итоге не только вынужден был отказаться от варварской практики уничтожения своих жен, но, убедившись в превосходстве Шахразады, женился на ней. Все симпатии народа на стороне Шахразады – героини, одержавшей победу над царем и спасшей женщин от варварского обычая. В этом выдающемся памятнике народного творчества перед читателями предстают образы и других высокообразованных, мудрых женщин. Например, невольница Тавадуд (рассказ о Тавадуд) [5, с. 9], которая во время диспута с самыми известными богословами, законооведами, медиками и другими учеными, устроенного по инициативе халифа правоверных мусульман Харуна ар-Рашида (786–809), показала блестящие знания в области наук, права, искусства, философии и религиозной догматики.

В сказках «Тысячи и одной ночи» народ осуждает и унижительные для женщины каноны тогдашнего быта. «Интересно, что в городских новеллах наиболее яркой и сильной личностью зачастую является женщина, смело ломавшая преграды, которые ставит ей гаремная жизнь. Мужчина же, обес-

силенный развратом и праздностью, выведен простаком и обречен на вторые роли», – считает ученый М. Салье [6, с. 433].

Мы привели лишь некоторые примеры из устного народного творчества народов Востока, посвященные борьбе против неравенства мусульманки в семье и обществе. Они не потеряли своей ценности и в наши дни.

Борьба прогрессивной общественно-политической мысли против социального неравенства женщины, ее унижительного положения имеет такую же глубокую историю, как и социальная доктрина ислама. С критикой мусульманских взглядов на женщину, ее положения в семье и обществе, начиная с эпохи Средневековья и до нового и новейшего времени, выступали многие передовые мыслители Востока.

Они вписали много ярких, содержательных страниц в историю борьбы против покупного брака, многоженства, затворничества и гаремной жизни, ношения ритуальных покрывал, против лицемерия и ханжества части нечистоплотного мусульманского духовенства, за облегчение тяжелой участи мусульманки, за ее просвещение и образование. Уже в далекую феодальную эпоху лучшие представители науки и искусства Востока с большой теплотой отзывались о женщине, поднимали проблемы эмансипации. Величайший арабский мыслитель Ибн Рушд (1126–1198) говорил, что между мужчинами и женщинами существует только количественная разница, а не природная, что они способны ко всему тому, чем занимаются мужчины, а иногда даже превосходят их (примером служат некоторые африканские государства): и не было бы ничего экстраординарного в том, если бы они сумели достичь участия в управлении государством. «Наш социальный строй, – указывал с сожалением великий ученый, – не позволяет женщине проявить своих способностей».

Отмечая бесправное положение женщины в мусульманском феодальном обществе, далее он писал: «В данных же государствах способности женщины держатся под спудом, так как берут их здесь для одного только деторождения. Поэтому-то они поставлены здесь на службу своим мужьям и (всю жизнь) привязаны к делу деторождения, нянчения и кормления». Ибн Рушд предоставление женщине равноправия считает практической необходимостью, вытекающей из великой социальной функции женщины-матери, несущей на себе бремя воспитания полноценного гражданина общества [1, с. 160].

Азербайджанский поэт и мыслитель XII века Низами Гяндживи (ок. 1141 – ок. 1203) в своих бессмертных произведениях «Сокровищница тайн», «Лейла и Меджнун», «Хосров и Ширин», «Искандер-намэ», «Семь красавиц», «Игбал-намэ» создал возвышенные, обаятельные образы женщин, подверг критике моральные устои феодального общества, фанатизм мусульманского духовенства, властителей.

Художественный гений великого азербайджанского поэта предстает перед нами во всем своем величии, когда мы читаем его роман-поэму «Хосров и Ширин» (1180 г.). Произведение это свидетельствует о расцвете творческих сил Низами, росте и совершенствовании его поэтического мастерства.

Низами назвал свою поэму «Хосров и Ширин», но центральное место в ней фактически занимает Ширин. Образ Ширин, представляющей светлое

преобразующее начало в поэме, играет определяющую роль как в ее идейной направленности, так и в развитии сюжетной линии. Для средневекового Востока, в эпоху, когда женщина, скованная жесткими рамками шариата, была униженным и бесправным существом, самый факт отведения ей по этому центрального места в художественном произведении являлся проявлением большого мужества. Впервые в литературе того времени появился образ женщины-героини, обладающей самыми высокими душевными качествами, способной на самые благородные поступки [7, с. 18].

Со всей страстностью юной души Ширин любит сасанидского царевича Хосрова. И настолько сильна ее безграничная любовь, что, видя и зная все пороки своего избранника, она не может его забыть. Ради этого всепоглощающего чувства Ширин переносит многие лишения и невзгоды. Ее красота и ум сочетаются с твердой волей, мужеством. Она умеет сдерживать необузданного в своих желаниях Хосрова, постоять за себя, свою честь.

Ширин в то же время обладает высокими качествами идеальной правительницы: она справедлива и гуманна. После смерти своей тетки и воспитательницы Махин-Бану Ширин наводит настоящий порядок в стране, проявляет заботу о народе:

И пришла к Ширин Михин-Бану держава
От Рабы до Луны о ней сверкнула слава.
И справедливости возрадовался люд.
Былые узники свободный воздух пьют
Все угнетенные забыли время гнета:
Ширин с времен своих отбросила тенета.
Уж не взимают сбор у городских ворот,
Налогов не платил за пажити народ.
Облагоденствовав и город, и селенья,
Ширин, не ждя даров, сыскала восхваленья [7, с. 191].

«Мудрая и дальновидная Ширин стремится оказать облагораживающее влияние на других; и таково обаяние этой чистой, возвышенной природы, таково ее мужественная убежденность в своей правоте, что безнравственный, беспечный Хосров, равнодушный к судьбам народа, не видящий в жизни ничего светлого, начинает понимать, каким должен быть человек правитель. Женственная, мягкая по натуре Ширин обладает, однако, богатырской силой духа, она энергична и настойчива в достижении поставленной цели, презирает покорность и слабость.

Тема любви приобретает в произведении глубокое социальное звучание. Поэт выразил взгляды передовых людей своего времени, отстаивающих здоровые семейные отношения, счастье, построенное на основе глубокой взаимной любви. Ширин мечтает именно о такой любви. Ее возмущает распущенность Хосрова, не понимающего святости этого чувства» [7, с. 20].

«Наследник иранского престола Хосров – прекрасный, статный юноша ... Он любит проводить время в веселье, в обществе красивых певиц и музыкантов. Наслаждения и радости жизни он ценил выше, чем интересы государства» [8, с. 44].

«Под облагораживающим воздействием любви Ширин Хосров изменяется, преображается духовно и в конце концов начинает любить Ширин истинной, глубокой любовью. Полная благородных стремлений, Ширин старается перевоспитать Хосрова, внушает ему мысли о том, что шах должен быть просвещенным, гуманным и справедливым, преданно служить народу, заботиться о своих подданных» [8, с. 21].

«В поэме «Хосров и Ширин», которая является гимном всепобеждающей человеческой любви, Низами в образе царевны Ширин показал умную, справедливую правительницу, превзошедшую в этом качестве царствовавшего тогда Хосрова. Показ преимущества женского правления обществом явился смелой и резкой критикой унижительных воззрений господствующей идеологии ислама и мусульманской морали на женщину» [1, с. 161].

Вслед за поэмой «Хосров и Ширин» в своей всемирно известной поэме «Лейла и Меджун» (1188 г.) Низами осуждает нормы мусульманской морали и феодально-деспотические порядки. В основе поэмы лежит предание о любви Меджуна и Лейлы, выросших вместе и полюбивших друг друга с детства. «Обычай страны не допускали такой любви, которую питали друг к другу Кайс (Меджун) и Лейла. Такая любовь осуждалась обществом. Брак в мусульманских странах заключался без любви. Отец Лейлы, этот уважаемый среди соплеменников старец, храбрый воин, олицетворение всех «священных традиций», не может «запятнать свою честь», выдав дочь замуж за «умалишенного» [8, с. 49].

Резонную параллель между поэмой Низами и «Ромео и Джульетта» проводит И.Ю. Крачковский. «Герои Шекспира гибнут, став жертвами предрассудков. В «Лейле и Меджуне», общественное мнение осуждает любовь вообще. Господствующие религиозно-нравственные представления несовместимы с ней» [9, с. 588].

Образ Лейлы – самое лучшее, что создало волшебное перо Низами. Наряду с описанием традиционных черт внешности и характера, обычных для восточных красавиц, этот образ наделен и индивидуальными чертами, что придает ему исключительное обаяние.

«Лейла – дочь знатного человека. Жизнь должна была бы быть для нее легкой и спокойной. Она выросла в довольстве и неге, ее выдали бы замуж за сына какого-нибудь шейха, она родила бы ему детей и закончила бы земную жизнь, не испытав больших тревожений. Но случилось иначе. Лейла встретила с Кайсом, привязалась к нему, и постепенно привязанность превратилась в пылкую любовь. Но она слишком рано на собственном горьком опыте убеждается, что ей нельзя любить. Любовь женщины – это тяжкий грех, позорное преступление. Женщина – это товар, который можно продавать и покупать. Именно на таком языке идет разговор между обоими родителями во время сватовства Меджуна и Лейлы. Этот разговор напоминает диалог двух купцов.

Таким образом, и у Лейлы чувствам противостоят обычаи. Убедившись в том, что ей не полагается иметь своих желаний, она не ропщет против

этой несправедливости, не уходит, как Меджнун, в пустыню. Ее рабское положение кажется ей если и не естественным, то, во всяком случае, неизбежным, – так уж заведено исстари: если ты женщина, то твой долг – беспрекословное подчинение сначала воле отца, потом – мужа... Если бы она, подобно Меджнуну, захотела убежать в пустыню, ей не дали бы этого сделать. Ее отец, не задумываясь, убил бы ее. Лейле приходилось таить свою любовь от людей, притворяться. От этого ее страдания были еще сильнее. Разницу положения влюбленных поэт раскрывает с огромной художественной силой. В таких условиях поведение Лейлы, верной своей любви, является подлинным героизмом» [8, с. 50–51]. Существующие в феодальном обществе традиции и обычаи становятся непреодолимой преградой между влюбленными. После долгой и мучительной борьбы за свою любовь они трагически погибают.

Устами затворницы Лейлы поэт рассказывает о порочной сущности мусульманского затворничества, образа жизни женщины, раскрывает разрыв в социальном положении, существовавший между мужчиной и женщиной в феодальном обществе.

Безумен тот под черною звездой,
Он не знаком с такою злой бедой:
Не женщина – служанка, но мужчина,
Он всех мучений собственных причина,
Идет он смело по путям любви,
Сам отвечает за слова свои,
И направляет шаг, куда захочет,
И тайно червь души его не точит.
А я бедна, а я всегда одна,
Сама с собой лишь говорить вольна.
Всегда боюсь на что-либо решиться.
И доброй славы меж людей лишиться.
Любой напиток горше всех отрав,
Любой покров шелковый жестче трав,
Нет смелости, чтоб мужа переспорить,
Да и отца к тому же переспорить,
Бывает, что любовь велит: «Восстань!»
Но стыд и честь взывают: «Перестань!» [10, с. 219]

В «Лейле и Меджнуне» Низами с замечательным мастерством показал глубочайшие движения человеческой души, бурю страстей и высоких чувств, борьбу и столкновение светлых, естественных человеческих стремлений с окостенелыми и неумолимыми законами мрачной средневековой действительности.

В поэме «Семь красавиц» Низами продолжает начатый еще в «Сокровищнице тайн» разговор о добре и зле, раскрывает волнующую его идею о долге правителя перед народом.

Любовь к своему народу, неразрывная связь с ним помогли поэту создать в «Семи красавицах» впечатляющие образы представителей народа.

Мудрый пастух, поучающий правителя, талантливая китайская девушка Фитнэ, превосходящая шаха своим умом и способностями, добрые, трудолюбивые и преданные в дружбе Курд и его дочь...

В поэме «Семь красавиц» впервые в истории поэзии Востока был создан образ русской девушки. Она красива, умна, образована. Это мыслящий волевой, бесстрашный человек, способный сам направлять свою судьбу.

И ключ найдя к глубокому познанию,
Постигла вскоре тайны мироздания
Все знала: миг, когда огонь стихает,
Когда вода от пламени вскипает,
Несет нам благодати какая сила
И как влияют на судьбу светила,
– Все, до чего наука достигает,
Что род людской познаниям украшает,
Всем овладела светлая лицом,
С красою девичьей, с мужским умом. [11, с. 120]

Последняя поэма Низами – «Искендер-намэ» – является вершиной, своеобразным итогом его творческого развития. Это памятник мировой литературы. В «Искендер-намэ» с наибольшей полнотой и глубиной нашли свое отражение общественные идеалы, философские воззрения великого поэта.

Одной из самых замечательных по художественному мастерству является в поэме глава «Повествование о Нушабэ». «Низами создал возвышенный женский образ в лице царицы Нушабэ, перед мудростью которой автор поставил на колени одного из своих идеальных героев – Александра Македонского, названного в Коране пророком. В беседе с Александром Македонским царица Нушабэ говорит:

Хотя я жена, но живу не по обычаям жен, Не лишена я знания о мире. Я – львица, если ты – лев. А львица ровня льву в бою.

Поэт показал, что мысль Корана о том, что любовь можно делить между несколькими женами, достойна осуждения. Надо ли говорить, сколько смелым было тогда такое выступление!» [1, с. 161]

В образе царицы Нушабэ у Низами «воплощены его самые высокие представления о женщине, свободной и разумной, не стесненной предрассудками и обычаями. Так протестует он против условностей и ханжества религиозной морали, обезличивающей женщину» [12, с. 16].

Правительница Барды – прекрасная Нушабэ своей мудростью, справедливостью и смелостью восхищает Искендера (Александра).

На пиру, устроенном в честь гостя, Нушабэ приказывает поставить перед ним вместо яств четыре больших блюда, наполненных рубинами, жемчугами, яхонтами и золотом. Когда Нушабэ предлагает Искендеру отведать этих «угощений», он с удивлением отвечает ей: «Не мечтает голодное чрево о камне». Но находчивая Нушабэ с иронией говорит ему:

Если в рот не берешь драгоценные зерна,
То зачем ради благ, что тебе не нужны,
Ты всечасно желаешь ненужной войны?
.....

Если лал несъедобен, скажи, почему
Мы, как жалкие скряги, стремимся к нему?
Жить – ведь это препятствий отваливать камень.
Так зачем же на камни наваливать камень? [12, с. 233]

Так, исполненными глубокого смысла словами Низами осуждает грабительские войны, призывает к миру и справедливости.

Творчество Низами сыграло выдающуюся роль в формировании и развитии духовной жизни не только азербайджанского, но и многих других народов мусульманского Востока.

Значительное внимание в своих произведениях уделяет осуждению униженного положения мусульманки в обществе и друг Низами – выдающийся азербайджанский поэт Хагани Ширвани (1120–1199.)

Много общего во взглядах этих великих мыслителей. Как и Низами, Хагани был выразителем прогрессивных идей.

Он осуждал феодальный гнет и насилие, выступал за социальное равенство, подчеркивая при этом идею естественного равенства. Серьезные расхождения обнаруживались у мыслителей с официальной идеологией ислама. В своем творчестве Хагани осуждает затворничество, ношение ритуальных покрывал, многоженство и другие освященные в теории и практике ислама пороки.

Уважительное отношение к женщине поэт излагает в стихотворениях, посвященных матери, жене, дочери. Хагани исключительно высоко отзывается о женщине-матери, горько оплакивает смерть своей жены – преданного друга и единомышленника.

В стихотворении, посвященном смерти новорожденной дочери, он пишет:

Моя дальновидная новорожденная дочь,
Увидев, что мир – это место плохое, ушла,
Она поняла, что несчастья еще впереди, –
От низких душою, от злобного рая ушла.
Она увидела, что в мире порока и тьмы
Изноет, измучится сердце живо, – ушла.
Увидев сестру свою старшую в черной чадре,
Подумав: «О боже, мученье какое!.. » – ушла [13, с. 71].

Хагани, как и многие мыслители Востока, – певец земных радостей, любви, свободы, разума.

Смелым обличителем феодально-деспотического отношения к женщине является и крупнейший поэт и мыслитель XV века Алишер Навои (1441–1501).

Подражая своим литературным предшественникам, составителям знаменитых «*Пятериц*» – Низами и индо-персидскому поэту Амиру Хосрову (1253–1325), он создает свое знаменитое произведение «*Хамса*» («*Пятериц*»

ца»). Однако создание «Пятерицы» на те же темы отнюдь не означало, что Навои повторяет Низами и Амира Хосрова. Во всех пяти поэмах он был совершенно оригинален. В свои произведения Навои вкладывает новое социальное содержание, реалистически изображает современную ему феодальную эпоху. В своей поэме «*Лейла и Меджнун*» Навои глубже и конкретнее ставит социальные проблемы, в том числе и женский вопрос. В его интерпретации любовь Меджнуна и Лейлы – более земное чувство, чем у Низами.

На эту особенность поэмы Навои обращает внимание крупнейших советских востоковедов Е.Э. Бертельс: «Навои использовал древние придания для совершенно определенной цели – показать гибель молодых, полных надежд жизней, которую повлек за собой обычай заключать браки без всякого учета желаний заинтересованных сторон. Это, как нам кажется, и есть основное «содержание», та идея, которую Навои положил в основу своей поэмы. Если, таким образом, сама идея уже относилась к области проблем социальных, то понятно, что и все выполнение поэмы потребовало от автора максимальной конкретности» [14, с. 129].

В поэме «*Лейла и Меджнун*» Навои, как и Низами, в яркой художественной форме, с исключительным мастерством показывает ужасную картину угнетенного положения мусульманки. С полным правом можно сказать, что его произведения сыграли большую роль в борьбе с идеологией ислама, в формировании и развитии культуры народов всего мусульманского мира.

Воспевал женскую красоту и мудрость в своих произведениях и великий персидско-таджикский поэт Абдуррахман Джами (1414–1492). Особенно в поэмах «*Юсуф и Зулейха*», «*Дар благородным*» и «*Лейла и Меджнун*».

«Абдуррахман Джами был другом и наставником великого Алишера Навои, который большую часть своих произведений написал по его совету и благословию. Джами был первым, на суд которого выносил свои произведения Навои. В свою очередь Джами поступал так же.

Литературное наследие Джами огромно и многопланово. Вообще число его книг доходит до 99. Среди них его большие поэмы, входящие в семерицу – «*Семь корон*», «*Золотая цепь*», «*Саламан и Абсаль*», «*Дар благородным*», «*Четки праведников*», «*Лейла и Меджнун*», «*Юсуф и Зулейха*» и «*Книга мудрости Искандара*» [15, с. 4].

В отрывке из поэмы «*Дар благородным*» нас восхищают ум и находчивость девушки из «рассказа о старике, что, сединой покрытый, страсть остудил свою пред солнцеликой, словам поверив, что седа она, меж тем увидев волосы чернее ночи...», сумевшей обхитрить «пылкого» старика и преподать ему урок»:

Ответила красавица: «Послушай, ты,
И брось, оставь желанья и мечты,
Старик, поверь сейчас моим словам –
Что так не любо в жизни вам,
И нам, поверь, не любо тоже –
Зачем же лезть тебе из кожи?!» [15, с. 74]

Но в то же время «в суфийской поэме XV века «Саламан и Абсаль» Абдуррахмана Джамии главный положительный герой Саламан представлен совершеннейшим созданием, развившимся «из семени царя, минуя материнское лоно». Дело в том, что в Средние века существовали особые женские суфийские монастыри, своего рода мусульманское женское монашество. Подобные женские суфийские организации, во главе которых стояли женщины – *шейхини*, существовали в Египте («*рибат аль-багдадийя*»), в Мекке и других местах. В Средней Азии в Позднем Средневековье возникло особое суфийское ответвление во главе с женщиной – духовным наставником, *шианом* (*шиан-аим*), которое носило название «*ездахум*» («одиннадцатый», поскольку радения устраивались 11-го числа каждого мусульманского лунного месяца). И, конечно, среди суфиев были такие, кто осуждал ответвление *ездахум* как ересь. Такие возражения исходили из прививавшегося исламом пренебрежительного отношения к женщине; высказывалась мысль, что даже быть рожденной женщиной – дело непохвальное! Например, о святом *Шисе* (*Сифе*), сыне *Адама*, в мусульманских преданиях говорится как о появившемся якобы из семени Адама помимо Евы. Подобным образом у курдских сектантов *езидов* изложен миф о создании богом их прародителей. А в шиитских легендах, связанных с именем одиннадцатого имама Хасана Аскери, утверждается, будто вообще «зачатие наше (имамов) не бывает в утробе матери, а бывает между ребрами матери. Мы, имамы, не рождаемся от чрева матери... потому что нам, имамам, созданным из божьего света, неприлично родиться так, как рождаются люди» [4, с. 306].

Против феодального деспотизма и религиозного аскетизма выступает и Мухаммед Физули (1502–1562) – величайший поэт и мыслитель азербайджанского народа. Он хотел видеть женщину полноправным членом общества, решающим судьбу по своему усмотрению, делающим свободный выбор, в его произведениях с большим чувством воспеты идеи свободы и любви.

В своей поэме «*Лейла и Меджнун*» Физули также рассказывает о затворнической, почти тюремной жизни женщины в мусульманском обществе, называет законы шариата кандалами, связывающими женщин «по рукам и ногам», превращающими их в предмет купли-продажи. Обращаясь к луне, его Лейла говорит:

Грусть глубокой звезды – это я!
Свечка в лачуге разлук – это я!
Ночью свободная, узница днем, –
Труп, оживающий в мире ночном....

Традиции поэтов-гуманистов продолжали Вагиф (1717–1797), Видада (1709–1800), Закир (1784–1857), Мирза Шафи (1794–1852), Агахи (1809–1874), Махтум-Кули (род. в 1733), Кемене (ум. в 1840) и др. [1, с. 164].

Нельзя не остановиться поподробнее на взглядах видного узбекского поэта, историка, переводчика Мухаммеда Риза Агахи, который является ярким представителем узбекской литературы XIX в. Его творчество, как уче-

ного, талантливого поэта и историка занимает особое место в истории узбекской культуры.

«Агахи известен как тонкий лирик, талантливый представитель школы Навои. Следуя традициям великого поэта, он мастерски слагал строки, воспевающие высокие человеческие чувства» [16, с. 4]. В газелях, посвященных любви, он создает возвышенный образ женщины, воздает хвалу ее красоте и уму, восхищается ее мудрости и знаниям.

Ангелоликой, ей дано постигнуть смысл учения,
Привычкой стало для нее уроков повторенье.
Мудрец ей мудрость передал и знания открыл,
И вразумил, что жизнь суть – познанию служенье.
И отблеск знания огнем ей щеки озарил;
Открыло слово ей свое сокрытое значенье,
Чтоб это все постичь, она не пожалела сил,
И помогли ей мудрецы в искусстве постиженья.

.....

И те, кто вдохновил ее, и те, кто вразумил,
Сегодня своего сокрыть не могут восхищенья.

Создатель с помощью наук ее вознаградил,

Так, что готовы мудрецы идти к ней в услуженье... [16, с. 9]

Выступая против одного из религиозных институтов семейного быта последователей ислама, известный азербайджанский поэт Мирза Шафи Вазах писал:

Откинь чадру назад, откинь чадру!
В своей чадре идешь ты, как в чаду,
За тучи прятаться не должно звездам,
Не должно розам прятаться в саду.
Тебя Аллах такой красивой создал,
Чтоб ты цвела у мира на виду.
Откинь чадру назад своей рукой
От черных кос, стекающих рекой,
От губ, подобных лепесткам тюльпана,
У смертных отнимающих покой.

И в Турции у самого султана,
Я знаю, нет красавицы такой.
Под черной сеткой ты едва жива.
Откинь чадру, услышь мои слова.
Откинь чадру назад, мы не осудим,
Прекрасна ты, а потому права,
Откинь чадру назад на радость людям,
Откинь для собственного торжества!

Не случайно поэтому передовые люди Востока поднимают голос против женского бесправия, за приобщение женщины к науке и просвещению, выступали и против ношения чадры, паранджи и чачвана.

Видный азербайджанский поэт Мирза Шари (ум. в 1852 г.) писал:

Распахни покрывало! Не прячь ты себя,

Верь, не прячутся розы в саду у тебя...
Создана ты под солнцем цвести и сиять,
Перестань же чадрой лицо закрывать! [14, с. 295]

Естественно, передовые мыслители не могли подвергнуть открытой критике принципы господствующей идеологии.

Эта своеобразная оппозиция феодализма существовала все Средневековье. Она выступает соответственно условиям времени, то в виде мистики, то в виде открытой ереси, то в виде вооруженного восстания. Во многих случаях такая критика была исторически и социально ограниченной и носила лишь показательный характер. Но для того времени она была прогрессивной [1, с. 165].

Идейное наследие мыслителей средневекового мусульманского Востока объективно оказало большое влияние на дальнейшее развитие гуманистической мысли и послужило ценным материалом, на основе которого прогрессивные мыслители последующих периодов рассматривали социальные проблемы. Этот период Средневековья можно считать первым этапом осмысления роли мусульманки в семье и обществе.

Литература

1. Вагабов М.В. Ислам, женщина, семья. – Махачкала, 1994.
2. Мец А. Мусульманский Ренессанс. – М., 1973. – С. 292.
3. Поэзия народов Дагестана. – Махачкала, 1954. – С. 55.
4. Климович Л.И. Писатели Востока об исламе. – М., 1978.
5. Тысяча и одна ночь. – М., 1959.
6. Салье М. Послесловие к книге «Тысяча и одна ночь». Т. 8.
7. Низами Гянджеви. Хосров и Ширин / Пер. с фарси Конст. Липскерова. – Баку, 1955.
8. Вступительное слово проф. Алиева Р.М. к «Собранию сочинений» Низами Гянджеви. – Баку, 1991.
9. Крачковский И.Ю. Ранняя история повести о Меджнуне и Лейле в арабской литературе // Избранные сочинения. Т. II. – М.–Л., 1956.
10. Низами Гянджеви. Игбал-намэ. – Баку, 1947.
11. Низами Гянджеви. Семь красавиц. – Баку, 1947.
12. Низами Гянджеви. Искендер-намэ. Кн. 1. Шараф-намэ. – Баку, 1953.
13. Поэты Азербайджана. – М.–Л., 1962.
14. Бертельс Е. Избранные труды Навои и Джамии. – М., 1965.
15. Джамии. Избранное / Пер. с фарси Шамухамедова А. – Ташкент, 1984.
16. Агахи. Избранное / Пер. с фарси Гребнева Н. – Ташкент, 1984.